

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
КРАСНОЯРСКАЯ КРАЕВАЯ МОЛОДЕЖНАЯ БИБЛИОТЕКА

СБОРНИК РАБОТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
КРАЕВОГО ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА

«КОГДА КАРТИНЫ ГОВОРЯТ...»

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.Г. ПОЗДНЕВА)

КРАСНОЯРСК, 2026 ГОД

В ДАННОМ СБОРНИКЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РАБОТЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КРАЕВОГО ТВОРЧЕСКОГО КОНКУРСА «КОГДА КАРТИНЫ ГОВОРЯТ...», ПОСВЯЩЁННОГО 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНДРЕЯ ГЕННАДЬЕВИЧА ПОЗДНЕЕВА – ОДНОГО ИЗ ЯРКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.

КОНКУРСНЫЕ РАБОТЫ ОТРАЖАЮТ ЖИВОЙ ИНТЕРЕС ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЁЖИ К ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ ХУДОЖНИКА. УЧАСТНИКИ ОБРАЩАЮТСЯ К КЛЮЧЕВЫМ ТЕМАМ ЕГО ЖИВОПИСИ: ЦВЕТУ КАК ЯЗЫКУ ЭМОЦИЙ, ОБРАЗУ ЧЕЛОВЕКА, ВНУТРЕННЕМУ МИРУ ХУДОЖНИКА, КРАСОТЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ, СВЯЗИ ИСКУССТВА С ЖИЗНЬЮ И ВРЕМЕНЕМ. В ЭССЕ, РАССКАЗАХ И СТИХОТВОРЕНИЯХ АВТОРЫ НЕ ТОЛЬКО РАЗМЫШЛЯЮТ О БИОГРАФИИ И ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ А. Г. ПОЗДНЕЕВА, НО И ВСТУПАЮТ В ЛИЧНЫЙ ДИАЛОГ С ЕГО КАРТИНАМИ, РАСКРЫВАЯ СОБСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ.

КОНКУРС ПОЗВОЛИЛ МОЛОДЫМ АВТОРАМ ТВОРЧЕСКИ ПОДОЙТИ К ОСМЫСЛЕНИЮ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА, ПОЧУВСТВОВАТЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНУЮ СИЛУ ЖИВОПИСИ И ПРЕДСТАВИТЬ СВОИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНДРЕЯ ГЕННАДЬЕВИЧА ПОЗДНЕЕВА В РАЗНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ФОРМАХ. РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ ДЕМОНСТРИРУЮТ СПОСОБНОСТЬ ВНИМАТЕЛЬНО ВСМАТРИВАТЬСЯ В КАРТИНУ, ВИДЕТЬ ЗА ЦВЕТОМ И КОМПОЗИЦИЕЙ НАСТРОЕНИЕ, ИДЕЮ, ИСТОРИЮ, А ТАКЖЕ ПЕРЕДАВАТЬ СВОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА.

КРАЕВОЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС «КОГДА КАРТИНЫ ГОВОРЯТ...» ПРОВОДИЛСЯ КРАЕВЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ БЮДЖЕТНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОЙ КРАЕВОЙ МОЛОДЕЖНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ В РАМКАХ КНИЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ НА ЕНИСЕЕ, ОРГАНИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИВЕРСАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.

В КОНКУРСЕ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ ПОДРОСТКИ И МОЛОДЁЖЬ В ВОЗРАСТЕ ОТ 15 ДО 35 ЛЕТ. ВСЕГО ПОСТУПИЛО 77 РАБОТ ИЗ 20 ТЕРРИТОРИЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ. КОНКУРС ПРОВОДИЛСЯ В ДВУХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЯХ: «15-17 ЛЕТ» И «18-35 ЛЕТ», А ТАКЖЕ В ТРЁХ НОМИНАЦИЯХ: «А. Г. ПОЗДНЕЕВ: ПАЛИТРА ЖИЗНИ», «ДИАЛОГ С КАРТИНОЙ», «ЖИВОПИСЬ В РИФМАХ».

В РАБОТАХ СОХРАНЕНА АВТОРСКАЯ СТИЛИСТИКА.

СОДЕРЖАНИЕ

Номинация «Живопись в рифмах»

(СТИХОТВОРЕНИЕ ПО МОТИВАМ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКА):

ОЛЕСЯ ОЛЕГОВНА ГАВРИЛОВА, 23 ГОДА
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ, 17 ЛЕТ

Номинация «Диалог с картиной»

(РАССКАЗ ПО ОДНОЙ ИЛИ НЕСКОЛЬКИМ КАРТИНАМ ХУДОЖНИКА):

ГЕРМАН ВИТАЛЬЕВИЧ ДЕРКАЧ, 15 ЛЕТ
НИКИТА НИКОЛАЕВИЧ МОЗУЛЬ, 20 ЛЕТ

Номинация «А. Г. Поздеев: палитра жизни»

(ЭССЕ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ХУДОЖНИКА):

СТЕПАН АНДРЕЕВИЧ МАЗАНКО, 17 ЛЕТ
САБИНА ЭЛЬДАРОВНА САВЕЛЬЕВА, 23 ГОДА

НОМИНАЦИЯ: «ЖИВОПИСЬ В РИФМАХ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 18-35 ЛЕТ

Олеся Олеговна Гаврилова

С. АТИНСКОЕ, ИРБЕЙСКО-САЯНСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

О СЕБЕ:

ЛЮБЛЮ ЧИТАТЬ ЗАРУБЕЖНУЮ КЛАССИЧЕСКУЮ И ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ ЛИТЕРАТУРУ. ТВОРЧЕСТВО А. Г. ПОЗДЕЕВА Я НЕ ЗНАЛА, НО, КОГДА МНЕ ПРЕДЛОЖИЛИ ПОУЧАСТВОВАТЬ В КОНКУРСЕ, РЕШИЛА СОГЛАСИТЬСЯ. ИЗ ВСЕХ ЕГО КАРТИН, МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛАСЬ «СТОЯНКА ТАКСИ». Я РЕШИЛА ПОПРОБОВАТЬ НАПИСАТЬ СТИХОТВОРЕНИЕ И ПЕРЕДАТЬ АТМОСФЕРУ ВЕЧЕРНЕГО ГОРОДА, ТАКСИ, ЗАПАХИ ОСЕНИ.

Вечерний город дышит тишиной

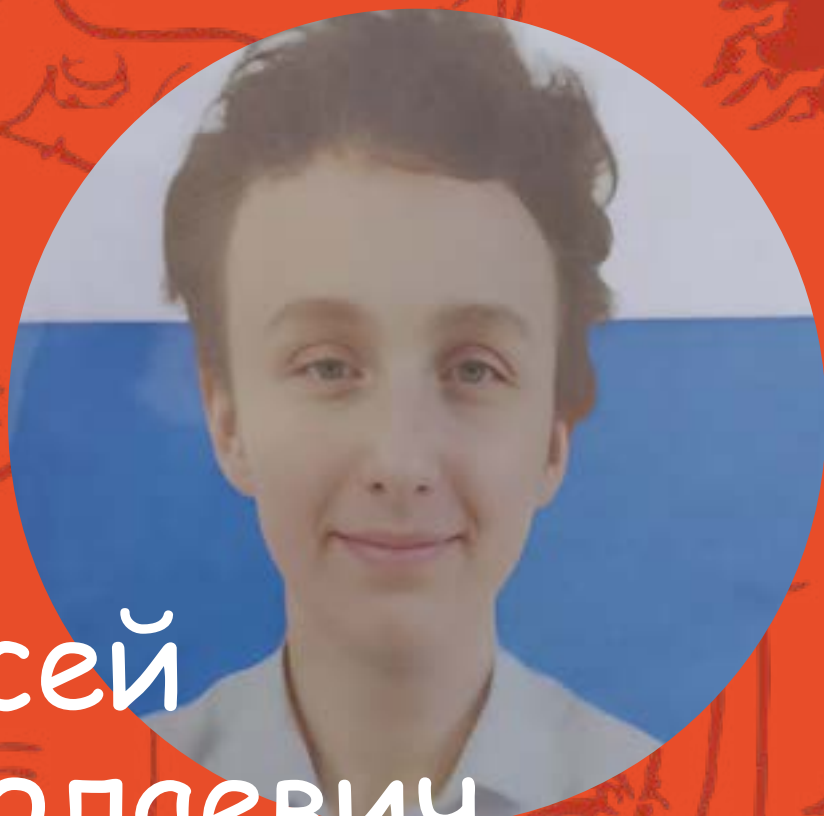
Вечерний город дышит тишиной,
Фонарь роняет свет на городской асфальт.
Машины в ряд, как будто на покой,
Но в каждой — ожидание, азарт.
Вот-вот сорвётся с места жёлтый свет,
В нём чья-то встреча, чья-то грусть и спешка.
И в зеркалах — прощальный силуэт,
И в стёклах — отражённая усмешка.
Такси — как символ вечного пути,
Где каждый миг — начало и конец.
И только ночь сумеет рассудить,
Кто здесь искал, а кто — нашёл венец.

По картине «Стоянка такси», 1958 г.

НОМИНАЦИЯ: «ЖИВОПИСЬ В РИФМАХ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 15-17 ЛЕТ

Алексей Николаевич Марков

П. КОЛБИНСКИЙ, МАНСКО-УЯРСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

О СЕБЕ:

ПРИЗНАТЬСЯ, КРОМЕ ПАМЯТНИКА ПОЗДЕЕВУ В КРАСНОЯРСКЕ И ОБРЫВОЧНЫХ ШКОЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, Я БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛ ОБ ЭТОМ ХУДОЖНИКЕ. НО КОНКУРС ЗАСТАВИЛ МЕНЯ ОКУНУТЬСЯ И ГЛУБОКО ПОГРУЗИТЬСЯ В МИР ЕГО ТВОРЧЕСТВА. И ЭТО ПОГРУЖЕНИЕ МЕНЯ УВЛЕКЛО. Я НАЧАЛ ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧАТЬ КАРТИНЫ АНДРЕЯ ГЕНАДЬЕВИЧА, НАХОДИТЬ В НИХ БЛИЗКИЕ И ПОНЯТНЫЕ МНЕ МОТИВЫ. ОСОБЕННО МЕНЯ ПОРАЗИЛИ БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В КАРТИНАХ «РОЖДЕСТВО», «ГОЛГОФА». ПОЧЕМУ-ТО «РОЖДЕСТВО» ЗАСТАВИЛО МЕНЯ ВСПОМНИТЬ О ПАСХЕ, О ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ, О МАСЛЕНИЦЕ С ЕЁ КРУГЛЫМИ СОЛНЕЧНЫМИ БЛИНАМИ, О ЧЕМ-ТО ТАКОМ ВЕЧНОМ И ЗАСТАВЛЯЮЩЕМ ЗАДУМАТЬСЯ О СМЫСЛЕ БЫТИЯ.

Андрею Геннадьевичу Поздееву посвящается...

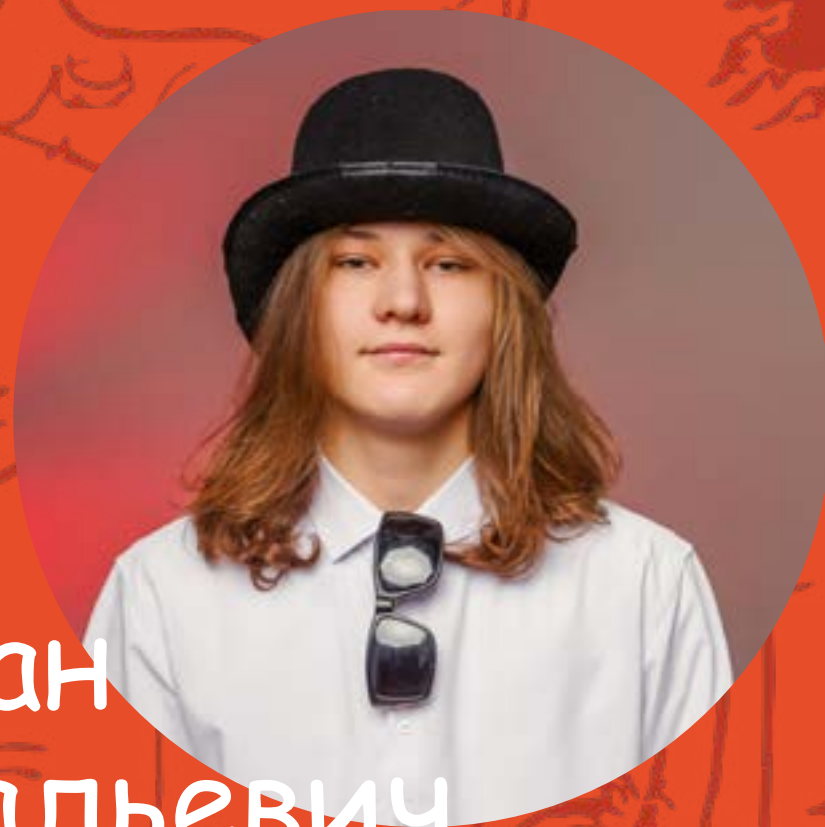
Добрые усталые глаза,
Мудрые морщинки – в уголках...
Так бывает, если вдруг недосказал,
Если не покался в грехах...
Хотя... Какие могут быть грехи
У человека с солнечной душой,
Слагавшего картины как стихи,
У человека совести большой?..
Я помню «Городской пейзаж»,
Где красный дом, знакомец милый,
Где город, близкий сердцу, наш,
Такой родной, такой любимый.
Вы стали города лицом,
Навеки в нём же поселившись,
Приехавши сюда юнцом,
С его нутром в едино слившись.
Я помню всё: Калтат, Столбы,
«Цветы» и «Оттепель», и «Чашу»,
Невидимыми нитями судьбы
Связали нас с Вселенной Вашей.
Так много красок, жизни, света,
Писал художник как дышал,
Раскрыв нам бытия секреты,
Он невозможное создал.
Философ, тут же и мечтатель,
И в чём-то был идеалист,
Труда большого почитатель,
Одновременно – реалист.
Преодолеть себя, отдать себя
Всем тем, кому ты нужен,
И, негой творчества скорбя,
И замыслом Творца разбужен.
Передо мною – «Рождество»:
Казалось бы, круг, эллипс...
«Не Рождество, а шутовство!», –
Сказал бы кто-то, не краснея.

А как же таинство начаАла?
Жизнь вечная и вера в чудеса?
Душа, что воскрешенье испытала,
Навеки улета в небеса?
Здесь есть та радость бытия,
То светлое большое чувство,
Без коих нам никак нельзя, –
И в этом – магия искусства.
Я вижу в «Рождестве» исток,
Свой дом и бабушку, и деда,
И первого картофеля росток,
И отпечаток маленького следа.
Ещё я вижу солнце и сугробы,
Небесной выси красоту,
И ощущаю запах бабушкиной сдобы,
И дедовой ладони доброту.
Всего народа вижу я обычай,
Пасхальной службы слышу перезвон
И отзвуки прапрадедовского «клича»,
Передают который испокон.
Земля живёт, картины оживают,
Как звезды яркие, во тьме времён горят.
Свет в душах наших пробуждают,
О вечном и о добром говорят.
Спасибо Вам, о, солнечный Поздеев,
Философ с вечно сердцем молодым,
За то, что Вы, мечту свою взлелеяв,
Мир сделали понятным и родным.

*По картинам «Рождество», 1988 г.,
«Городской пейзаж», 1968 г., «Цветы», 1985 г.,
«Оттепель», 1958 г., «Чаша», 1989 г.*

НОМИНАЦИЯ: «ДИАЛОГ С КАРТИНОЙ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 15-17 ЛЕТ

Герман Витальевич Деркач

Г. КРАСНОЯРСК

О СЕБЕ:

ИНТЕРЕСНО ЧИТАТЬ ФИЛОСОФИЮ, КНИГИ П. КОЭЛЬО «АЛХИМИК» И «ЛЯТАЯ ГОРА», МАНГУ. С ТВОРЧЕСТВОМ А. Г. ПОЗДЕЕВА БЫЛ МАЛО ЗНАКОМ, ТОЛЬКО ХОДИЛ ОДИН РАЗ НА ВЫСТАВКУ С РОДИТЕЛЯМИ. НО В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ РАБОТЫ ПЕРЕСМОТРЕЛ МНОГО КАРТИН, ВО МНОГИХ КАКОЙ-ТО ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ, ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВ – И ЭТО ЗАХВАТЫВАЕТ.

«Тот самый миг, когда краски земли оказались громче голосов в телефоне»

Я сидел на диване, прижав колени к груди, и бездумно листал ленту в «ВК». За окном – обычный ноябрь в Красноярске: снег пополам с грязью, темнеет в четыре часа, и такое чувство, что солнце уволилось. Друзья скидывали «мемы», в пабликах спорили про музыку, а я чувствовал только тошнотворную пустоту. Знаете такое: вроде бы всё есть – телефон, интернет, сотня подписок, – а внутри пустота. И голосов нет. Только белый шум.

Мама, когда заходила проведать, постоянно твердила: «Сходил бы в музей, там Поздеева показывают». Я отмахивался. Подумаешь, Поздеев. Красноярский художник, старый, советский. Наверняка что-то скучное про заводы и вятские кружева. Зачем мне это в пятнадцать лет? Мне бы аниме или чтоб «Король и Шут» в ушах на полную.

Но в субботу отключили свет до вечера. Сказали – авария на подстанции. Телефон сел до десяти процентов, вай-фай молчит. И я, чтобы не свихнуться, натянул куртку и поплёлся в художественный музей на Вейнбаума. Просто чтобы убить время. Просто чтобы не смотреть в потолок. Просто так.

Внутри было тепло и пахло старым деревом и тишиной. Такой запах бывает только в зданиях, где ничего не взрывается, не грузится и не обновляется. Я купил билет (девушка на входе удивилась, что школьник один) и зашёл в зал. И первая картина, которая меня приложила к стене, – вот она. «Отец». 1974 год.

Я не умею пересказывать картины. В школе ненавижу это «на переднем плане изображён...». Я скажу так: я посмотрел на неё – и мне захотелось выйти вон. Потому что этот человек смотрел на меня так, как на меня не смотрел никто в мире. Даже мой собственный отец, когда я принёс двойку по алгебре. Этот нарисованный мужчина – тёмное лицо, тяжёлые скулы, глаза, которые, кажется, прожгли во мне дыру, – он не спрашивал. Он требовал ответа. Просто молча стоял и требовал: «Ты кто такой? Зачем здесь? Чего добился?».

Я сжал в кармане мёртвый телефон. И вдруг понял, что не могу ничего ответить. Пятнадцать лет прожито – и сказать нечего. Только лайки, только пересылки роликов, только смех над тем, над чем смеяться вообще не стоило.

Я стоял перед «Отцом», а по спине бежали мурашки размером с большого кавказского жука. Это не был страх. Это было одиночество другого вида. Когда на тебя смотрит картина, нарисованная пятьдесят лет назад каким-то мужиком в Красноярске, – и ты чувствуешь, что этот мужик сейчас поймёт тебя лучше, чем твои же одноклассники с их вечным «забей». Поздеев написал своего отца? Или собирательный образ? Не знаю. Мне показалось, что он написал моего внутреннего надзирателя.

Того, кто сидит в голове и шепчет: «Ты же можешь больше. А ты откладываешь важные дела на потом и плачешься».

Я чуть не сбежал. Сделал шаг назад, задел плечом какую-то тётеньку в очках, извинился сквозь зубы – и вдруг увидел рядом другой зал. Светлый. С огромными, почти детскими пятнами жёлтого и синего. И надпись: «Краски земли. Цветы и солнце». 1997 год.

Если «Отец» заставил меня сжаться в комок, то «Цветы и солнце» – расслабили и успокоили. Это было что-то дикое. Такое ощущение, что Поздеев в конце девяностых брызнул на холст целую бочку солнечного света. Цветы там были не похожи на цветы. Скорее – на крики радости, которые превратились в красные и оранжевые мазки. Солнце – не круглое и привычное, а будто кто-то разбил небесный фонарь, и осколки вонзились в холст, а вместо крови – чистая энергия.

Я «залип». Надолго. Прошёлся по залу туда-сюда. В голове включилась странная пластинка: я вдруг вспомнил, как в шесть лет бежал к бабушке на дачу по высокой траве. Как пахло укропом и нагретой землёй. Как солнце било в спину, а мне было всё равно, что я обгорю. Я просто нёсся, потому что жил. Не думал о лайках, не скроллил, не сравнивал себя с блогерами. Я просто был.

Поздеев написал эту картину, когда меня ещё не было и в мыслях. А я стою перед ней в свои пятнадцать – и чувствую, что он что-то знал. Знал, что в 2026-м какой-то мальчишка будет давиться экранным синим светом и забывать, как выглядит настоящий живой цвет. И он оставил мне послание: вот оно. Солнце ещё не погасло. Оно внутри этих красок. Иди, забери.

Я не умею правильно говорить. Искусствоведы бы сказали там про «деконструкцию цвета» и всё такое. А я скажу просто: я стоял между этими двумя картинами, как между двух миров. Один говорит: «Будь мужчиной. Не ной. Отвечай за поступки». А другой говорит: «Но сначала живи. Гори. Не бойся быть глупым, радостным и цветным». И я подумал: а может, это одно и то же? Может, ты действительно сильный, только когда не забываешь про своё солнце?

Я пробыл в музее до самого закрытия. Телефон был севшим, но я вдруг почувствовал, что он мне не нужен. Вышел на улицу – там уже были сумерки, горели фонари, и обычная красноярская грязь под ногами вдруг показалась частью той самой «Краски земли». Только особый цвет. Грязно-коричневый, но настоящий.

По дороге домой я купил в ларьке тетрадку и простой карандаш. Не потому, что я вдруг решил стать художником. Просто понял, что мне надо записывать. Своё. Не для соцсетей. Для того парня, который будет во мне через десять лет.

Дома, наконец, включили свет. Мама спросила, понравилось ли. Я сказал: «Да». Одно слово. Но она почему-то улыбнулась. Может, увидела, что я другой зашёл? Не знаю.

«Отец» теперь стоит у меня в голове – строгий пост на контрольно-пропускном пункте совести.

А «Краски земли. Цветы и солнце» – как маяк, который светит даже в самую тёмную экранную ночь.

Я всё ещё листаю ленту иногда. Но по-другому. Знаете, есть момент: ты смотришь на экран и вдруг вспоминаешь, что где-то в музее на Вейнбаума висит кусок чистого сияния, намазанный кистью почти тридцать лет назад. И телефон в руке становится легче. А в груди – тяжелее. Но это хорошая тяжесть. Потому что это напоминание: ты тоже можешь намазать свою жизнь ярко. Хоть сейчас.

Главное – начать.

*По картинам «Отец», 1974 г.,
и «Краски земли. Цветы и солнце», 1997 г.*

НОМИНАЦИЯ: «ДИАЛОГ С КАРТИНОЙ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 18–35 ЛЕТ

Никита Николаевич Мозуль

С. ТЮХТЕТ, БОГОТОЛЬСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

О СЕБЕ:

С ТВОРЧЕСТВОМ ХУДОЖНИКА АНДРЕЯ ПОЗДЕЕВА Я ПОЗНАКОМИЛСЯ В КРАСНОЯРСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ. ЕГО АВТОПОРТРЕТЫ ПОРАЗИЛИ МЕНЯ ПРЯМЫМ, ОТКРЫТЫМ ВЗГЛЯДОМ. УДИВИТЕЛЬНО, КАК ОН ПРЕВРАЩАЕТ СУРОВУЮ СИБИРСКУЮ ПРИРОДУ В СКАЗОЧНЫЙ, ПОЧТИ ДЕТСКИЙ МИР. МНЕ БЛИЗКО ЕГО УПОРСТВО – СОРОК ЛЕТ РАБОТАЛ КАЖДЫЙ ДЕНЬ, НЕСМОТРИ НА БОЛЕЗНИ И ТРУДНОСТИ.

КОГДА ПИСАЛ РАССКАЗ, ПРЕДСТАВЛЯЛ СЕБЯ ПОДРОСТКОМ, КОТОРЫЙ ВПЕРВЫЕ ВИДИТ КАРТИНУ И НЕ МОЖЕТ ОТВЕСТИ ГЛАЗ. ЭТО ОЩУЩЕНИЕ «ЗАСТРЕВАНИЯ» ВЗГЛЯДА ХОТЕЛ ПЕРЕДАТЬ ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ. ПИСАЛ В НЕСКОЛЬКО ЗАХОДОВ, ПЕРЕЧИТЫВАЛ ВСЛУХ – СТАРАЛСЯ, ЧТОБЫ РЕЧЬ ХУДОЖНИКА ЗВУЧАЛА ЖИВОЙ, НЕМНОГО УСТАВШЕЙ, НО УПРЯМОЙ.

В ИТОГЕ ПОНЯЛ: ХОРОШЕЕ ИСКУССТВО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СМОТРИТ НА ТЕБЯ В ОТВЕТ. ЭТО ГЛАВНОЕ, ЧТО Я ВЫНЕС ИЗ РАБОТЫ НАД ТЕКСТОМ

Город, который не выцвел

Я стоял перед картиной минут двадцать, прежде чем услышал его голос.

Это был голос тихий, как шелест снега за окном, но отчётливый — словно кто-то шептал мне прямо в затылок. Я обернулся: в зале никого. Только я, четыре стены Красноярского художественного музея и он — мужчина в круглых очках и тёмном берете, смотрящий на меня с полотна.

«Ты пришёл поговорить?» — спросил он. Я не знал, куда деть руки. «Я... я просто смотрю», — пробормотал я, чувствуя себя школьником, застигнутым за чтением чужого дневника.

«Просто смотришь», — повторил он, и в его голосе зазвучало что-то среднее между усмешкой и вздохом. — «Все так говорят. А потом уходят. Уходят в свои тёплые квартиры, в свои машины, в свои экраны. А я остаюсь здесь. Уже сорок лет остаюсь. В этом берете. В этих очках. С этим городом за спиной».

Я вгляделся в фон картины — разноцветные дома, будто вырезанные из цветной бумаги ребёнком, который ещё не знает, что дома должны быть серыми. Снег лежал на крышах не белым, а голубым, розовым, даже жёлтым. Деревья — чёрные кружева без листьев, но какие живые! Как будто вот-вот зашевелиятся, потянутся к небу.

«Это не Красноярск», — сказал я, наконец найдя голос. — «Это... сказка какая-то».

«Это Красноярск», — твёрдо ответил он. — «Только тот, который я вижу. Который вижу я, а не фотокамера, не прохожий со смартфоном, не чиновник с генеральным планом. Я вижу город, который пульсирует. Видишь, как дома наклонены? Они не падают — они танцуют. Видишь, как деревья изогнуты? Они не сломаны ветром — они смеются».

Я присмотрелся. Действительно, вся композиция дышала движением — несмотря на то, что это был зимний пейзаж, несмотря на то что художник стоял неподвижно, глядя прямо на меня. Город за его спиной был застывшим фейерверком.

«Почему берет?» — спросил я. — «И почему очки? Вы же не носили... то есть, я думал, вы...».

«Я носил всё, что находил», — перебил он. — «Берет был тёплый. Очки — чтобы лучше видеть. Но на этой картине они не для зрения. Они для того, чтобы ты видел, что я тебя вижу. Что я вижу каждого, кто встаёт перед этим полотном. Ты думаешь, ты пришёл посмотреть на меня? Нет. Я смотрю на тебя. Уже сорок лет смотрю».

Мне стало не по себе. Я отступил на шаг, но глаза его — тёмные, с прищуром, с каким-то смешанным выражением усталости и упрямства — следили за мной.

«Боишься?» — спросил он.

«Нет», — соврал я.

«Боишься», — повторил он утвердительно. — «Все боятся. Боятся, что картина увидит их насквозь. Что я увижу, какие они на самом деле. Смешные, грустные, пустые. Но знаешь что? Я не осуждаю. Я тоже был таким. Смотри».

И он отвёл взгляд. Впервые за всё время он посмотрел не на меня, а в сторону — туда, где за его спиной раскинулся его город. Лицо его смягчилось, в очках отразился какой-то невидимый мне свет.

«Я родился в Нижнем Ингаше», — сказал он тихо. — «В семнадцать лет пошёл на фронт добровольцем. Потом — тюрьма, завод, художественная школа. Потом — сорок лет работы. Каждый день. В жару, в дождь, в мороз. Потому что когда я рисую — я свободен. Свободнее, чем когда дышу. Этот город за мной — он мой пленник и мой спаситель. Я запер его в рамках, чтобы он не исчез. А он спас меня — дал повод просыпаться каждое утро».

Я подошёл ближе. Теперь я видел мазки краски — толстые, нервные, будто нанесённые не кистью, а пальцами. Где-то под слоем синего на свитере проступал зелёный. Где-то на щеке — розовый, как след от мороза.

«Вы устали», — сказал я. Это прозвучало не как вопрос.

«Всегда», — ответил он. — «Но усталость — это цена. Плата за то, чтобы мир остался цветным. Знаешь, что самое страшное? Когда всё становится серым. Когда перестаёшь видеть красный дом на углу, жёлтую крышу во дворе, голубые тени на снегу. Я боялся этого больше смерти. Поэтому писал. Писал этот город снова и снова, пока он не выцвел в реальности — он остался ярким у меня на холсте».

Я замер. В зале было тихо, только вентилятор гудел где-то в потолке. Но вдруг мне показалось — или это было не кажущееся? — что я слышу звуки. Шум далёкого города. Скрип саней. Звон трамвая. Смех ребёнка во дворе.

«Это он», — сказал художник, уловив моё замешательство. — «Мой Красноярск. Живой. Я умер в девяносто восьмом, но он продолжает жить. Каждый раз, когда кто-то вроде тебя встает перед этой картиной и.... и не просто смотрит. А видит».

«Я вижу», — сказал я. И это было правдой.

Я видел не только мужчину в берете. Я видел человека, который превратил свой холодный сибирский город в сказку, чтобы согреться. Который сделал из усталости — искусство. Который смотрел на мир сквозь круглые стёкла и видел то, что недоступно остальным — пульсацию, танец, жизнь в каждом камне.

«Спасибо», — сказал я.

«За что?» — спросил он, и в его голосе снова зазвучала та усмешка.

«За то, что вы... что вы не ушли. Что остались здесь. Смотреть».

Он не ответил. Но я заметил — или мне показалось? — что уголок его рта дрогнул. Совсем чуть-чуть. Не улыбка. Но и не нет.

Я отошёл от картины. В зале стало пусто — или, может, всегда было пусто, и голос был только в моей голове? Но когда я выходил, обернулся. Он всё ещё смотрел на меня. Смотрит. Будет смотреть ещё долго — пока кто-то видит, а не просто смотрит.

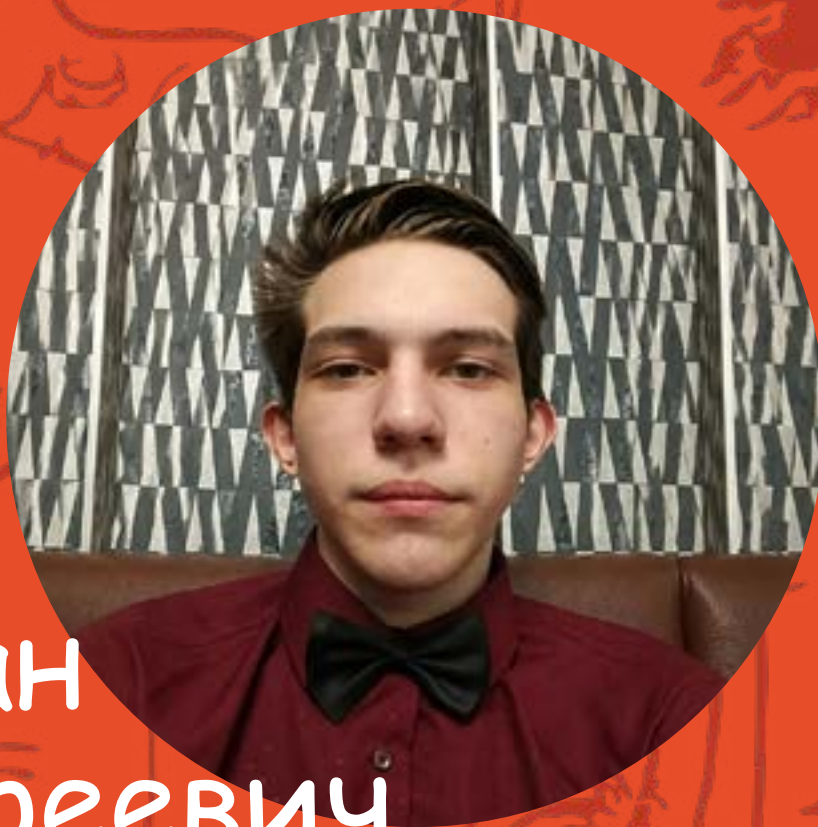
За окном музея шёл снег. Настоящий, красноярский, серый. Но я шёл по нему, прищурившись — и мне казалось, что в сугробах проступают голубые и розовые тени.

По картине «Автопортрет в берете», 1982 г.

НОМИНАЦИЯ: «А. Г. ПОЗДЕЕВ: ПАЛИТРА ЖИЗНИ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 15-17 ЛЕТ

КРАЕВОЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Степан Андреевич Мазанко

Г. КРАСНОЯРСК

О СЕБЕ:

В ЛИТЕРАТУРЕ МНЕ ПРЕДПОЧТИТЕЛЕН ЖАНР ФЭНТЕЗИ, ТАК КАК ОН ДАЕТ ФАНТАЗИИ. ИЗ АВТОРОВ МОГУ ВЫДЕЛИТЬ КЭТРИН ЛАСКИ, ЧЬЯ ПОЛНАЯ СЕРИЯ КНИГ ЛЕЖИТ У МЕНЯ НА ПОЛКЕ. В НЕЙ ПОКАЗАНА КЛАССИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДОБРА СО ЗЛОМ НА ПРОТЯЖЕНИИ ПЯТНАДЦАТИ ТОМОВ.

БОЛЕЕ ГЛУБОКО О ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПОЗДЕЕВА УЗНАЛ НЕПОСРЕДСТВЕННО ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД ЭССЕ. В ЕГО КАРТИНАХ МЕНЯ ЗАИНТЕРЕСОВАЛ СТИЛЬ, НЕ ПОХОЖИЙ НА ТО, ЧТО ВИДЕЛ РАНЕЕ. ОН НЕ ПИСАЛ В КАКОМ-ЛИБО КОНКРЕТНОМ СТИЛЕ, А ПОСТОЯННО НАХОДИЛСЯ В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОГО, НЕ ПОХОЖЕГО НИ НА ЧЕЙ.

В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ РАБОТЫ Я ПОНЯЛ, ЧТО СОВЕРШЕННО НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВПИСЫВАТЬСЯ В КАКИЕ-ТО РАМКИ, СООТВЕТСТВОВАТЬ СТАНДАРТАМ. ГЛАВНОЕ – БЫТЬ СОБОЙ – НЕПОВТОРИМЫМ И УНИКАЛЬНЫМ, КАК ПОЗДЕЕВ.

«Сибирский Матисс»

Андрея Поздеева часто представляют через броский ярлык – «сибирский Матисс». Звучит красиво, но такое сравнение скорее заслоняет живого человека. Мне захотелось заглянуть за эту завесу и увидеть не икону, а мастера с его собственным, ни на кого не похожим взглядом на мир – художника, для которого живопись была не просто красками, а палитрой прожитой жизни.

Родился в 1926 году в Красноярском крае, в семье почтового служащего, и с гордостью называл себя «енисейским мещанином». Детство прошло в переездах; рисовать начал рано, первую награду – премию на всесоюзном конкурсе – получил в одиннадцать лет, но война всё изменила, оборвав отрочество. Подростком он уже работал на оборонном заводе, выпускавшем боеприпасы, и там случился трагический поворот: за самовольную отлучку к больной бабушке Поздеев попал в колонию. Именно там, в несвободе, среди колючей проволоки и серых шинелей, его дар не остался незамеченным – начальник выдавал краски и бумагу, а юный художник делал эскизы для татуировок. Позже он скажет: «Рисунок – это дисциплина и самое главное в картине» [1], и эта строгость наверняка родом оттуда. В 1943 году ушёл добровольцем на Дальний Восток, служил в артиллерии, участвовал в боях с Квантунской армией. Война впечаталась в его душу и позже отозвалась в полотнах-реквиемах – «Реквием», «Охота на птиц». После Победы, пройдя через демобилизацию и тяжёлый труд кочегара, он окончил художественную школу в Красноярске и начал долгий, почти отшельнический поиск собственного языка.

Творческий путь Поздеева поражает размахом: он словно прожил всю историю искусства – от реализма до абстракции, но без единого намёка на подражания. В 1950–60-е годы он работал в манере, близкой к импрессионизму, внимательно всматривался в реальность: писал портреты друзей-художников, городские сцены, природу, грубоватые рабочие окраины Красноярска. Именно к этому периоду относится картина, которая в моём личном «диалоге» с Поздеевым занимает особое место. Когда я увидел «Пейзаж с красным домом» 1968 года, меня поразило ощущение, что я смотрю не на живопись, а на саму память. Художник написал этот вид из окна своей мастерской – обычный, в общем-то, серо-розовый двухэтажный дом через дорогу, заснеженный двор, голые деревья, дым из труб. Здания этого давно нет, но на холсте оно продолжает жить. Искусствовед О. М. Давыдова тонко заметила, что «цвет у Поздеева становится не средством изображения, а самим предметом переживания» [2]. В этой работе нет ни грамма сентиментальности, но цветовые пятна – красные, жёлтые, синие – будто вибрируют, создавая ощущение движения воздуха, спешащих прохожих, течения жизни.

Поздеев относился к каждому дому как к живому существу, и здесь это чувствуется с пронзительной ясностью. Глядя на неё, я отчётливо понял: Поздеев не нуждается в ярлыках вроде «сибирского Матисса». Ему достаточно было собственного зрения, чтобы разглядеть в скромном доме напротив целый космос.

Со временем цвет становился всё смелее, мазок – свободнее, форма – выразительнее. К 1970-м годам художник обратился к самым серьёзным философским вопросам: «Тайная вечеря», «Голгофа», цикл «Жизнь человека». Даже в годы государственного атеизма он создавал «Библейский цикл». А вершиной его духовных исканий стала картина «Чаша» – не готовая истина, а напряжённое приглашение к размышлению – к внутреннему диалогу. «Художник позволяет себе то, что другие не позволяют, но обязан отдавать себя, каков он есть», – говорил Поздеев [1]. В этих простых словах – ключ к его внутренней свободе, которую он не предал ни разу, даже когда за это приходилось платить безвестностью и нуждой. «Я хочу быть бедным, потому что хочу быть свободным», – признавался он в дневниках.

Его называли «солнечным художником», потому как краски на холстах словно светятся изнутри, а самые простые вещи – цветы, букеты – становятся живыми, дышащими созданиями. В портретах мастер не боялся странности, той деформации, что пугает обывателя: мог написать человека с зелёным лицом или непропорционально огромными глазами, и именно эти «неправильности» схватывали суть точнее любого фотографического сходства. В поздних работах, как подчёркивает исследовательница М. Боровская, «Поздеев достигает такой степени свободы, что холст превращается в поле битвы света и тьмы, где линия и цвет спорят о сути бытия» [3]. Действительно, его живопись стала чистым выражением духовного напряжения, почти молитвой в красках.

Признание пришло мучительно поздно. Первая персональная выставка в Москве состоялась лишь в 1993 году, когда художнику было уже 67 лет. До этого его работы официальное искусство просто «не замечало». По-настоящему масштаб мастера оценили уже после его ухода в 1998 году. Сегодня его картины хранятся в Третьяковской галерее и Русском музее, а в центре Красноярска стоит трогательный памятник – маленький пожилой человек под зонтиком, с этюдником через плечо, похожий на доброго сказочника. Этот образ удивительно точен: Поздеев был одновременно мудрецом и ребёнком, философом и мечтателем.

Изучая судьбу Поздеева, я нахожу ответ на вопрос: можно ли оставаться собой в мире, постоянно требующем соответствия? Жизнь художника доказывает – можно. Он не вписывался ни в каноны соцреализма, ни в мимолётную моду на западный авангард, а просто писал честно – как чувствовал. Именно эта честность, выстраданная и незамутнённая, оказалась востребованной спустя десятилетия. Но главное даже не в музейном признании, а в том внутреннем свете, который он оставил нам. Лично для меня наследие

Поздеева – это не столько собрание шедевров, сколько нравственный компас. Когда я смотрю на его «Пейзаж с красным домом» или на любой другой холст, я вспоминаю, что искусство не обязано быть громким и эффектным. И в этом смысле маленький человек под зонтиком с памятника оказывается великаном: он показал, что можно прожить жизнь без компромиссов с собственной совестью и оставить после себя не просто картины, а саму палитру прожитой жизни, в которой каждый цвет наполнен любовью, болью и светом. Ярлык «сибирского Матисса» окончательно меркнет, когда начинаешь видеть это главное – не стиль, а право на собственный взгляд и редкое умение разглядеть красоту там, где другие проходят мимо.

Используемые источники:

- Боровская М. В. Цвет и форма в живописи Андрея Поздеева // Изобразительное искусство Сибири. — 2018. — № 3. — С. 29.
- Давыдова О. М. Андрей Поздеев: путь к свету. — Красноярск: Класс Плюс, 2014. — С. 87.
- Поздеев А. Г. Записные книжки / сост. и коммент. В. А. Сергеевой. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2012. — С. 45, 102.

НОМИНАЦИЯ: «А. Г. ПОЗДЕЕВ: ПАЛИТРА ЖИЗНИ»

ВОЗРАСТНАЯ КАТЕГОРИЯ: 18-35 ЛЕТ

КРАЕВОЙ ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Сабина Эльдаровна Савельева

С. БОЛЬШАЯ МУРТА, БОЛЬШЕМУРТИНСКО-СУХОБУЗИМСКИЙ МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ОКРУГ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

О СЕБЕ:

УЗНАВ, ЧТО ПОЗДЕЕВ МНОГО ВРЕМЕНИ ПРОВОДИЛ В ЗАПОВЕДНИКЕ «СТОЛБЫ», Я ПОНЯЛА, ОТКУДА В ЕГО ПЕЙЗАЖАХ СТОЛЬКО ЖИВОЙ ЭНЕРГИИ: ОН НЕ КОПИРОВАЛ ВИДЫ, А ВПИТЫВАЛ ИХ, ПРОПУСКАЛ ЧЕРЕЗ СЕБЯ. ЕГО ХОЛСТЫ — НЕ КОПИИ РЕАЛЬНОСТИ, А ЕЁ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ЭХО. ОСОБЕННО МЕНЯ ТРОНУЛА ЕГО ФРАЗА: «КАЖДАЯ КАРТИНА, КАК НОВОРОЖДЁННЫЙ РЕБЁНОК: ДОЛЖНА НЕ ПРОСТО РОДИТЬСЯ — ДОЛЖНА ЗАКРИЧАТЬ. ЕСЛИ ХОЛСТ МОЛЧИТ — ЗНАЧИТ, ОН МЁРТВ». ЭТИ СЛОВА ПЕРЕВЕРНУЛИ МОЁ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЖИВОПИСИ. ТЕПЕРЬ, ГЛЯДЯ НА РАБОТЫ ПОЗДЕЕВА, Я ИЩУ НЕ БЕЗУПРЕЧНУЮ ТЕХНИКУ, А «КРИК» ЖИЗНИ — ИСКРЕННИЙ И НЕУДЕРЖИМЫЙ. ОН НАУЧИЛ МЕНЯ ЦЕНИТЬ В ИСКУССТВЕ ВНУТРЕННЮЮ СИЛУ, А НЕ ТОЛЬКО ФОРМУ.

«Палитра жизни: разговор с Поздеевым через века»

Помню тот день, когда я случайно зашла в Красноярский художественный музей — просто укрыться от дождя. И вдруг застыла перед полотном Андрея Геннадьевича Поздеева. В этот момент что-то щёлкнуло внутри: мир будто замедлился, а краски на холсте задышали, заговорили со мной. Мне, девушке поколения соцсетей и цифровых фильтров, его живопись показалась невероятно современной — будто художник предвидел, как через десятилетия его работы отзовутся в сердцах таких, как я.

Почему Поздеев актуален сегодня? Потому что он учит нас главному: видеть. Не скользить взглядом по поверхности, а вглядываться, чувствовать, проживать каждый момент. Его творчество — это разговор о вечном на языке цвета и формы, понятный без слов. Оно напоминает, что подлинное искусство не устаревает — оно растёт вместе со зрителем.

Андрей Геннадьевич Поздеев родился в 1926 году в селе Нижний Ингаш Красноярского края. Сибирская земля с её суровой красотой стала для него не просто местом рождения, а живым собеседником, постоянным источником вдохновения. Глядя на его пейзажи, я физически ощущаю этот воздух — холодный, чистый, наполненный силой.

Жизнь Поздеева была похожа на его картины — яркая, контрастная, полная резких переходов от тьмы к свету. В военные годы он работал на Красноярском комбайновом заводе, затем попал в колонию по «сталинскому указу». Но даже там не расставался с кистью: оформлял стенгазеты, находил способ творить вопреки обстоятельствам. Позже служил на Дальневосточном флоте, а после демобилизации боролся с туберкулёзом — болезнь стала частью его внутренней работы, которая позже воплотилась в живописи.

В 1950-е годы Поздеев начал профессиональный путь в искусстве: учился в Красноярской художественной школе имени В. И. Сурикова, работал копиистом в Художественном фонде. Постепенно он выработал собственный стиль — дерзкий, свободный, не вписывающийся в рамки официального искусства. Его критиковали за «формализм», требовали соответствовать канонам, но он шёл своим путём. И это вызывает у меня восхищение: как можно быть настолько верным себе, когда весь мир давит?

Творческий путь Поздеева — это история постоянного поиска. В 1960–1970 годы он много работал с натуры, запечатлевая Красноярск и окрестности. Особенно выделяется серия «Калтат», вдохновлённая заповедником «Столбы». В этих работах чувствуется не просто любовь к родному краю — в них слышится диалог художника с природой, почти мистическая связь.

Отдельного внимания заслуживают его «букеты». На первый взгляд — обычные цветы, но стоит всмотреться, и понимаешь: это целая философия.

Розы, георгины, сирень написаны с такой нежностью и вниманием, что кажется, будто ощущаешь их аромат. Для меня эти полотна — метафора хрупкости и красоты жизни, напоминание о том, что прекрасное часто находится рядом, прямо под ногами.

1980-е годы стали временем философского поворота в творчестве Поздеева. Он обращается к духовным темам, создавая работы «Голгофа», «Моление о чаше», цикл «Жизнь человека». Это не иллюстрации к библейским сюжетам — это личные размышления о судьбе, вере, человеческом предназначении. Художник не навязывает ответы, а задаёт вопросы, заставляя зрителя думать, чувствовать, искать.

Стиль Поздеева уникален — он свободно сочетает реализм и абстракционизм, не боясь экспериментов. Его манера письма экспрессивна: мазки энергичны, цвета яркие и порой контрастны, создавая эмоциональную напряжённость. Образы символичны, но не перегружены — каждый элемент несёт смысл, не превращаясь в загадку. В его работах нет фальши или желания угодить публике: они честны до боли.

Искусствоведы Красноярского художественного музея отмечают, что Поздеев создал «художественный язык, понятный зрителю вне времени» (из каталога выставки 2006 года). Исследователь сибирского искусства Н. Н. Титовец в работе «Художники Красноярья» подчёркивает, что Поздеев сумел соединить традиции русской живописи с индивидуальными поисками, что делает его наследие особенно ценным.

Когда я ухожу из музея, картины Поздеева остаются со мной — не как образы, а как ощущения. Я ловлю себя на том, что теперь иначе смотрю на мир: замечаю игру света на стене, люблюсь облаками, вглядываюсь в лица прохожих. Его искусство научило меня видеть глубину в обыденном.

Для меня Поздеев — не просто художник из учебника. Он — собеседник, наставник, пример невероятной внутренней свободы. Его жизнь и творчество доказывают: настоящее искусство рождается не из техник и правил, а из честности перед самим собой. Он не гнался за признанием, не подстраивался под моду — он просто жил и творил так, как чувствовал.

Его палитра — это палитра жизни во всех её оттенках: от тёмных и тревожных до светлых и радостных. Поздеев научил меня главному: искусство — это не то, что висит в музее. Это способ смотреть на мир, чувствовать его, быть живым. И пока мы смотрим на его работы, эта жизнь продолжает дышать, говорить с нами и напоминать: красота — она повсюду. Нужно только научиться её видеть.

КРАСНОЯРСК, 2026 ГОД